

УДК 908, 81`282.2
DOI 10.32326/19931778_2024_5_229

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОГО СЕЛА СИНЕГЛАЗОВА (40–80-е гг. XX ВЕКА)

© 2024 г.

А.В. Медведев, В.А. Медведев

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
medvedev_46@mail.ru

Поступила в редакцию 12.09.2024

Приводятся и анализируются различные версии истории заселения челябинского села Синеглазова. Дается информация о населении села в XVIII – второй половине XX в. Авторами статьи составлен словарь синеглазовских диалектизмов, датированный 40 – 80-ми гг. XX в., включающий как общеизвестные, так и нестандартные южноуральские диалектизмы. Дается характеристика особенностей синеглазовского социолекта: его основная черта – близость к советскому литературному стандарту на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровне. Выявлен процесс постепенного замещения синеглазовских диалектизмов стандартными лексемами русского литературного языка.

Ключевые слова: Синеглазово, социолект, южноуральские диалектизмы, уральский говор, литературный язык.

Современное село Синеглазово относится к Копейскому городскому округу Челябинской области. Село возникло в период после 1743 г. как заимка челябинского казака Синеглазова. По официальной версии, к 1840 г. село было заселено исетскими/оренбургскими казаками, государственными крестьянами Челябинского уезда – пермскими выходцами из Шадринского и Камышловского уездов [1, с. 39–40]. Исетские – с 1803 г. оренбургские – казаки в своей основной массе также происходили с той же территории. Как писал В.М. Черемшанский, «в уезде Челябинском жители по нравам, обычаям, хозяйственному быту и самому наречию приближаются более к жителям Пермской губернии» [2, с. 203]. Согласно опубликованным данным, до 1840 г. крестьяне исполняли государственные повинности и отрабатывали оброк на казенных заводах, казаки несли линейную службу в крепостях Троицкой дистанции. В 1840 г. все жители Синеглазова были зачислены в оренбургские казаки. Информация об этом подтверждается данными ревизских сказок VI, VII и VIII ревизий 1811, 1816/1817 и 1834 гг. [3–7]¹, а также материалами краеведческих исследований [8, с. 100].

По неофициальной версии, которая основывается на этнографическом исследовании отца/деда авторов статьи В.Ф. Медведева (1915 – 1986), село было основано черниговскими казаками, переселенными на Урал Екатериной II [9, с. 3]². Последняя версия подтверждается отдельными лингвистическими и этнографическими фактами – в частности, использованием

слов «хата», «клуня», «гомонок», которые считаются украинскими по происхождению³, обычаем обмазывать глиной и белить внутренние стены домов, характерным для населения Украины и нехарактерным для выходцев из таких северорусских губерний, как Пермская⁴, и другими, более слабыми аргументами, которые в данной статье особо не рассматриваются⁵.

Помимо выходцев из вышеперечисленных уездов Пермской губернии и украинских казаков с Черниговщины, среди жителей дореволюционного времени зафиксированы переселившиеся в 1827 г. из Тимского уезда Курской губернии однодворцы, ставшие государственными крестьянами Челябинского уезда Оренбургской губернии и в качестве таковых зачисленные в 1840 г. в оренбургские казаки (Дороховы). Позднее население пополнялось выходцами из других великорусских губерний, в частности из Вятской [9, с. 4]. В советское время этническая картина в селе еще более усложнилась. К середине XX в. среди жителей были зафиксированы башкиры (Саберовы и др.), белорусы (Кухновцы и др.), а также русские выходцы из различных районов РСФСР, привлекаемые в местный колхоз/совхозы в качестве рабочей силы.

Таким образом, ту часть социолингвистического исследования, которая четко выявляет конкретный лингвистический пласт в привязке к определенной семейной, этнографической или этнической группе, в настоящий момент выявить крайне затруднительно. По этой причине исследование речи ведется исключительно опи-

сательным методом. Ряд конкретных фактов – практически полное отсутствие обценной лексики в семье главного информанта (А.В. Медведева) и ее использование другими жителями села [9, с. 8] – по мнению авторов статьи, являются фактами социальной психологии, выходящими за эвристические границы описательного метода и требующими иного – культурологического – подхода. По их мнению, в настоящее время важнее как можно точнее описать все известные конкретные факты, оставив их объяснение на будущее.

Исторически с. Синеглазово, как и вся территория бывшего Челябинского уезда, относилось к области распространения уральского говора, север[н]орусского в своей основе, с особенностью произношения аффрикат, свойственной говорам Курской, Орловской, Калужской областей [16, с. 8–9]. По мнению диалектологов, уральский говор характерен в первую очередь высокой скоростью речи (до 150 слов в минуту против общерусской нормы в 80 слов в минуту), выраженным оканьем, недостаточным отвердеванием твёрдых звуков, артикуляцией сквозь зубы и характерным интонационным рисунком речи – почти все это результат тюркского (татаро-башкирского-казахского) влияния.

Усилиями нескольких поколений исследователей было проведено системное изучение челябинских народных говоров на уровне отдельных сел и деревень⁶. По итогам многолетней работы Г.А. Турбиным была опубликована работа «Южноуральские говоры» [в 3 ч.] и составлена диалектологическая карта Челябинской области [17–19]. Им отмечены различия в типологии говоров в разных по происхождению селах и деревнях, в числе которых он особо выделяет говоры староказачьих поселений, к которым относится и с. Синеглазово. По его мнению, это тоже северорусский говор, но с определенными особенностями – оканье не простое, а с редукцией, на месте «ять» перед твердыми обычно «Е», на месте «ять» перед мягкими обычно «И», широко распространено упрощение аффрикат за счет сокания и шеканья [18, с. 7–8].

По семейным воспоминаниям авторов статьи, синтаксис, морфологическая структура и фонетическое произношение слов жителями села в указанное время в целом соответствовали советской речевой норме⁷. Никаких видимых следов уральского говора в речи синеглазовцев не наблюдалось. Единичные отличия от литературного стандарта наблюдались лишь в области лексики, на которой и сосредоточено их исследовательское внимание. Используемая методика – сознательное припоминание слов, отличавшихся от литературной нормы советского

времени, основным информантом (А.В. Медведевым) – позволяет дополнить данные русской диалектологии применительно к локальному географическому объекту (с. Синеглазову). Временной промежуток исследования – 40 – 80-е гг. XX в. – определяется временем постоянного/временного проживания основного информанта на территории Синеглазова. Основной лексический материал датирован информантом 50 – 60-ми годами XX века. Процесс сбора лексического материала осуществлялся с начала января 2016 г. по конец апреля 2024 г. и был прерван смертью основного информанта (А.В. Медведева).

Поскольку письменно слова фиксировались спустя значительное время после времени их практического бытования и так, как они запомнились главному информанту на слух, не исключены определенные ошибки фиксации, вызванные процессом аберрации памяти. В этом случае «представляется важным следующий принцип: исправлять, то есть менять, полевой диалектный материал, представленный в словаре, можно только на основе другого материала. При этом приходится признать, что абсолютно объективных критериев для сравнения доказательной силы различных иллюстративных примеров до сих пор не выработано. Таким образом, сомнительную запись в словаре можно по результатам критического анализа счесть с большей или меньшей степенью вероятности ошибочной, но удалять ее из словаря нельзя» [20, с. 154].

При классификации синеглазовских диалектизмов на основе анализа их формы и содержания очевидно, что их можно разделить на четыре основные группы: 1) диалектизмы со стандартной формой и семантическим содержанием (большая часть записанных слов); 2) диалектизмы с известным семантическим содержанием, но нестандартной формой («вехоть»); 3) диалектизмы со стандартной формой, но не совсем стандартным содержанием, чье происхождение достаточно понятно («чувяки»); 4) уникальные диалектизмы с нестандартным содержанием, требующим своего объяснения («ебага»)⁸. Согласно выбранному методу работы с материалом при описании диалектных лексем авторы стараются максимально уйти от собственных этимологических догадок, оставив это дело профессиональным этимологам (единственное исключение – уникальное синеглазовское слово «ебага»).

Согласно коллективной социальной памяти авторов статьи, приведенные ниже местные синеглазовские диалектизмы выступают в качестве отдельных архаизмов – в послевоенное

время литературный стандарт прочно утвердился в селе в качестве речевой лексической нормы. В целом подтверждаются и уточняются исследовательские выводы о том, что на территории Челябинской области «особенности уральского говора стали исчезать около полувека назад в связи с москвоцентризмом культуры, высокой социальной мобильностью населения и негативным восприятием региональных культур как архаических провинциальных», и о том, что «после ... культурной революции в деревне на диалекты действует мощный фактор – литературный язык в его разнообразных проявлениях. Вот почему не только говоры ... на Южном Урале нивелируются и стираются, но и вообще все диалекты сближаются с литературным языком» [18, с. 22].

Если рассматривать речь жителей послевоенного Синеглазова как уникальный социолект, то его отличительной особенностью будут практически полное соответствие русскому литературному стандарту и отдельные элементы общеуральской и украинской/южнорусской простонародной речи, касающиеся, преимущественно, бытовой сферы жизни. Динамика языковых процессов в лексическом составе синеглазовского словаря, зафиксированная в одновременном сосуществовании стандартных литературных и местных диалектных слов, показывает, что процесс вытеснения диалектизмов из речи жителей села продолжался на протяжении всего указанного периода времени.

По мнению авторов, для полного понимания механизмов вытеснения диалектизмов нормативными литературными словами данный процесс необходимо рассмотреть на современном материале, проведя соответствующее научное исследование речи нынешнего поколения синеглазовцев. Основой такого исследования должны являться приведенные ниже диалектизмы. При этом необходимо учитывать происхождение жителей села – являются ли они местными уроженцами или переселенцами из других мест, привлеченными выгодным пригородным местоположением, чья речевая норма формировалась на какой-то другой территории.

Примечания

1. Многочисленные носители указанных в ревидских сказках фамилий проживали в Синеглазове и в послевоенное время.

2. Казаки проживали в южной части Черниговской губернии с конца XV в. [10, с. 12–13].

3. Согласно В.И. Далю, «гаман, гаманец, гаманок м. южн. зап. кожаный кошелек для денег» [11, с. 304]. Основой является украинское слово «гаман» – кошелек; с суффиксом «ок» получается уменьшительная

форма «гаманок» – кошелек. В русском языке до XVIII в. слово «гомонок» (фонетический вариант «гаманок») не зафиксировано; вероятно, что этимологически слово «гаманок» родственно древнерусскому слову «гамалейка» – мешочек, сумка [12, с. 10]. По В.И. Далю, «клуня ж. южн. зап. рига, молотильный сарай; мякинница, пелевня» [13, с. 734]. Клуней называли гумно на Украине и в южных и западных областях России. По словарю В.И. Даля «хата ж. южн. зап. ... изба, домишко, халупа; хата бывает: турлучная или плетневая, камышовая, мазанка, битая, земляная и лимпачная, бревенчатая, из дикого камня» [14, с. 496]. У украинцев, белорусов и русских южных областей «хата» – это жилое помещение с печью или вся постройка с сенями и хозяйственным помещением. Бывает срубной, плетнёвой, глинобитной и пр. Снаружи и внутри их обычно обмазывали глиной и белили.

4. В северных малорусских губерниях [к которым относилась и Черниговская губерния. – А.М., В.М.] хаты бывают ... из толстых досок, оштукатуренных и покрашенных мелом снаружи и внутри [15, с. 72]. На Кубани у потомков запорожских казаков, независимо от того, из какого материала строилась хата, ее обмазывали глиной и обязательно белили; впоследствии на т.н. «белой неделе» накануне Пасхи все хаты ежегодно белились хозяйками, как снаружи, так и внутри.

5. Версия В.Ф. Медведева основывается на расспросах синеглазовских старожилов, которых он расспрашивал об истории села; предположительно, это происходило в начале 30-х гг. XX в. Скорее всего, его информантами были пожилые люди, родившиеся в XIX в., примерно 50-х – 70-х г.р. То есть от времени переселения черниговских казаков на Урал их отделяет всего одна человеческая жизнь их размера. Это означает, что указанные информанты сами вполне могли застать живыми отдельных стариков, родившихся еще на Черниговщине. Дети данных черниговских стариков, знающие историю отцов, еще только сами начинали становиться дедами. Таким образом, информация о переселении казаков с территории Украины **вполне достоверная**. Другое дело, что с учетом данных ревизий, скорее всего, она касается лишь отдельной части населения дореволюционного Синеглазова, а остальные жители села иного – однодворческого, крестьянского и исетско-казацкого – происхождения.

6. Некоторые исследователи предлагают объединять данные местные челябинские говоры термином «региолект». На наш взгляд, с учетом результатов исследований Г.А. Турбина данный термин является излишним.

7. Это отмечается и другими лицами. Так, в Интернете приводится цитата слов учителя русского языка конца 70-х гг. XX в.: «На Урале один из самых литературно-правильных – «чистых» языков, без оканий-аканий, хгэканий».

8. В краеведческой литературе о челябинских диалектизмах мочалка называется не «вехоть», а «вехотка». Интересно использование слов в более узком значении. Например, в г. Горьком/Н. Новгороде в то же самое историческое время «чувьяками»

называли не обрезанные валенки, а любую обувь на мягкой подошве, т.е. использовали слово практически в первоначальном значении. Синеглазовское слово «ебага» в значении «сказочное чудовище» в настоящий момент выступает в качестве **уникально-го**; соавтору главного информанта не удалось обнаружить его присутствие в каких-либо общерусских или региональных словарях, посвященных лексикологии говоров Южного Урала.

Список литературы

1. Челябинская область: Энциклопедия. Т. 6 (Си – Ф) / Сост.: В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 943 с., [8] л. ил., портр., цв. ил., карт.
2. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа: изд. иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1859. [4], IV, 472 с.; 25.
3. Ревизская сказка 811-го года Сентября 28 дня Оренбургской губернии Челябинского уезда долгодеревенской волости деревни Синеглазовой о состоящих мужеска пола государственных крестьянх // НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 126. Л. 40–44.
4. Ревизская сказка 1816 года марта 5-го дня Оренбургской губернии Челябинского уезда долгодеревенской волости Деревни Синеглазовой // НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 382. Л. 177об–195.
5. Ревизская сказка 1817 года апреля 31-го дня Оренбургской губернии Челябинского уезда долгодеревенской волости о состоящих мужеска и женска пола отставных солдатах и их детей ... в Синеглазовой деревне... // НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 381. Л. 283–284.
6. Ревизская сказка тысяча восемь сот тридцать четвертаго Года марта 24 дня Оренбургской губернии Челябинского уезда долгодеревенской волости деревни Синеглазовой о состоящих мужеска и женска пола крестьянх // НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. Д. 487. Л. 126–170.
7. Ревизская сказка Тысяща Восемь Сот тридцать четвертаго Года марта Оренбургской губернии Челябинского уезда Долгодеревенской волости Деревни Синеглазовой о состоящих мужеска и женска пола отставных наличных воинских чинах... // НАРБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 487. Л. 250–251.
8. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачья войска. Выпуск IX. Хронологический перечень / Сост. Г.Н. Лобов. Оренбург: Типо-Литография Б.А. Бреслина, 1903–1915. 649 с., 15 л. ил.
9. Медведев А.В. Автобиография. Размышления о прошлом. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016. 60 с.
10. Малороссия. Новороссия. Крым: ист. и этнографический очерк / [сост. А.Г. Макаров, С.Э. Макарова]. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 319 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [соч.] В.И. Даля. Ч. 1–4. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учре-
- жденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. Ч. 1: А–З. 1863. [2], LIV, 627 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: (Г–Д) / Сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая [и др.]. М.: Изд. «Наука», 1977. 403 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [соч.] В.И. Даля. Ч. 1–4. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. Ч. 2: И–О. 1865. [2], 629–1351, [35] с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [соч.] В.И. Даля. Ч. 1–4. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. Ч. 4: Р–V. 1866. [2], 625, [5], 4 с.
15. Березин Н.И. Украина, малороссы, их страна, быт и прошлое. СПб.: Типография СПб. акц. общ. «Слово», 1907. 128 с.: ил.; 19.
16. Демидова К.И. Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала. Екатеринбург: [б. и.], 2015. 337 с.
17. Турбин Г.А. Южноуральские говоры: Учеб. пособие к спецкурсу. Челябинск: ЧГПИ, 1979. 84 с.
18. Турбин Г.А. Южноуральские говоры: Учебное пособие. Челябинск: ЧГПИ, 1982. 96 с.
19. Турбин Г.А. Южноуральские говоры. Челябинск: ЧГПИ, 1989. 64 [1] с.
20. Шаповал В.В. Челябинские диалектизмы в «словаре русских народных говоров» (выпуски 1–41): проблемы лексикографической достоверности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 152–154.

Приложение

Словарь диалектизмов села Синеглазова

- австри'яне – старообрядцы австрийского согласия.
айд'а – пошли.
- арб'а – грузовая конная повозка.
- бат'ог – палка/посох для ходьбы.
- бур'як – свекла. По воспоминаниям основного информанта, в его семье слово «буряк» не употреблялось; оно употреблялось в семье Решетниковых, которые на какое-то время уезжали из Синеглазова в другую деревню и могли занести его в Синеглазово оттуда.
- в'ехоть – 1. тряпка; 2. мочалка. Последнее значение напрямую связано с первым и восходит к тем временам, когда мылись щелоком, завернутым в тряпку.
- вид'ать – глагол, употреблявшийся с целью обратить чье-либо внимание на нечто необыкновенное, удивительное и т. п.
- в'ица – прут. При том, что слово «прут» также использовалось, чаще говорили слово «вица».
- г'олбец – домашний погреб. Характерно, что погреб в амбаре всегда назывался только «погребом».
- гол'ик – веник.
- гомон'ок – кошелек.
- г'орница – спальня. Характерно, что первая проходная комната с русской печью и полатями, в кото-

рую попадали из «сеней», называлась просто «комната»; никакого «кута»/«кутника» для ее печной части уже не использовалось.

д'авече – недавно.

дак – так.

двоед'ане – старообрядцы.

ебаг'а – сказочное чудовище, которым пугают детей. На Урале отмечено слово «ебага» в значении «шерсть». Вероятнее всего, детей пугали каким-то мохнатым монстром. Также не исключено, что это либо местный вариант названия бабы-яги, либо произвольно сложившаяся синтетическая конструкция, объединяющая оба семантических элемента.

запл'от – забор. Слово «заплот» употреблялось наряду со словом «забор».

з'орить – разорять.

з'ыбка – подвесная колыбель/люлька.

красив'ее – красивее.

кл'уня – зернохранилище (колхозное).

кор'овник – местный съедобный пластинчатый гриб.

кош'овки – пассажирские сани с плетеными бортами.

моргов'ать – брезговать. Слово «морговать» употреблялось наряду со словом «брезговать».

н'ынче – ныне.

п'оджиг – самодельная хлопушка из металлической трубки и спичек.

пошт'о – почему.

п'учка – съедобное растение «борщевик сибирский», чей стебель употреблялся детьми в пищу весной.

сар'анка – съедобное растение «лилия кудреватая», чьи луковицы употреблялись детьми в пищу весной.

ст'айка – хлев. При том, что слово «хлев» знали, обычно говорили слово «стайка».

т'ятя – отец. Слово «тятя» употреблялось наряду со словами «отец»/«папа»/«баба», значительно уступая последним словам по частоте употребления.

х'ата – дом. Характерно, что слово «изба» в значении «дом» не использовалось. Также интересно, что даже бревенчатый в своей основе дом словом «изба» не назывался.

ход'ок – телега с плетеными бортами для перевозки пассажиров.

холод'ец – студень. Слово «студень» в Синеглазове не употреблялось.

ч'есанки – тонкие валенки, которые носили с лошадьми.

чув'яки – обрезанные валенки.

шутков'ать – шутить.

SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE SPEECH FEATURES OF THE RESIDENTS OF THE CHELYABINSK SETTLEMENT OF SINEGLAZOVO (1940s–1980s)

A.V. Medvedev, V.A. Medvedev

This article presents various historical accounts of the settlement of Sineglazovo in the Chelyabinsk region, providing an analysis of its development from the 18th century to the latter half of the 20th century. It includes demographic information about the settlement's population over this period. The authors have compiled a comprehensive dictionary of Sineglazovo dialectisms spanning from the 1940s to the 1980s. This dictionary encompasses a range of dialectisms from the South Ural region, featuring both conventional terms and unique local expressions. Additionally, the paper describes the distinct sociolectal features of Sineglazovo, offering insights into the unique speech characteristics of its residents. The main feature of these speech characteristics is their closeness to the Soviet literary standard at the phonetic, morphological and syntactic levels. The process of gradual replacement of Sineglazovo dialectisms with standard lexemes of the Russian literary language has been revealed.

Keywords: Sineglazovo, sociolect, South Ural dialectisms, Ural dialect, Standart Russian.

References

1. Chelyabinsk region: Encyclopedia. Vol. 6 (Si – F) / Comp.: V.S. God, V.A. Chernozemtsev. Ed. corr. and add. Chelyabinsk: Stone belt, 2008. 943 p., [8] l. ill., port., color. ill., maps.
2. Cheremshansky V.M. Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic and industrial relations. Ufa: Published by the Scientific Committee of the Ministry of State Property, 1859. [4], IV, 472 p.; 25.
3. The audit tale of the 811th year of September 28 of the Orenburg province of the Chelyabinsk district of the long-village parish of the village of Sineglazovo about the state of the male sex of state peasants // NARB. Coll. I-138. Aids 2. Fol. 126. L. 40–44.
4. The Revizh fairy tale of 1816 on March 5 of the Orenburg province of the Chelyabinsk district of the long-village parish of the Village of Sineglazovo // NARB. Coll. I-138. Aids 2. Fol. 382. L. 177ob–195.

5. The Revizh fairy tale of 1817 on April 31 of the Orenburg province of the Chelyabinsk district of the long-village volosts about male and female retired soldiers and their children ... in the Sineglazovo village... // NARB. Coll. I-138. Aids 2. Fol. 381. L. 283–284.
6. The audit tale of one thousand eight hundred and thirty-fourth Year of March 24 days of the Orenburg province of the Chelyabinsk district of the Dolgode-revinskaya volost of the village of Sineglazovo about the peasants consisting of men and women of the peasant sex // NARB. Coll. I-138. Aids 2. Fol. 487. L. 126–170.
7. Revision lists of One Thousand Eight Hundred and thirty-fourth Year of March Of the Orenburg province of the Chelyabinsk district of the Dolgode-revinskaya volost of the village of Sineglazovo about retired military ranks consisting of male and female ... // NARB. Coll. I-138. Aids 2. Fol. 487. L. 250–251.
8. Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Issue IX. Chronological list / Comp. G.N. Lobov. Orenburg: Typo-Lithography by B.A. Breslin, 1903–1915. 649 p., 15 l. ill.

9. Medvedev A.V. Autobiography. Reflections on the past. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2016. 60 p.
10. Little Russia. Novorossiya. Crimea: hist. and an ethno-graphic essay / [comp. A.G. Makarov, S.E. Makarova]. M.: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006. 319 p.
11. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / [op.] V.I. Dal. P. 1–4. M.: Publication of the Society of Lovers of Russian Literature, established at the Imperial Moscow University, 1863–1866. Part 1: A–Z. 1863. [2], LIV, 627 p.
12. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Issue 4: (G–D) / Comp. N.B. Bakhilina, G.A. Bogatova, G.P. Smolitskaya [et al.]. M.: Science, 1977. 403 p.
13. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / [op.] V.I. Dal. P. 1–4. M.: Publication of the Society of Lovers of Russian Literature, established at the Imperial Moscow University, 1863–1866. Part 2: I–O. 1865. [2], 629–1351, [35] p.
14. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language / [op.] V.I. Dahl. P. 1–4. M.: Publication of the Society of Lovers of Russian Literature, established at the Imperial Moscow University, 1863–1866. P. 4: P.V. 1866. [2], 625, [5], 4 p.
15. Berezin N.I. Ukraine, Little Russians, their country, way of life and past. St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg Joint-Stock Company «The word» 1907. 128 p.: ill.; 19.
16. Demidova K.I. Comprehensive thematic dictionary of the vocabulary of modern Russian dialects of the Urals. Yekaterinburg: [B. I.], 2015. 337 p.
17. Turbin G.A. South Ural dialects: textbook for a special course. Chelyabinsk: CHSPI, 1979. 84 p.
18. Turbin G.A. South Ural dialects: A textbook. Chelyabinsk: CHSPI, 1982. 96 p.
19. Turbin G.A. South Ural dialects. Chelyabinsk: CHSPI, 1989. 64 [1] p.
20. Shapoval V.V. Chelyabinsk dialectisms in the Dictionary of Russian Folk Dialects (issues 1–41): problems of lexicographic reliability // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. № 35 (173). Philology. Art history. Issue 37. P. 152–154.